

«И вечный спор славян...»

Когда-нибудь мы дадим себе труд осмыслить степень славянской общности, равно как и разобщенности. Мало сказать, что приступить к этому следовало бы с внимательного прочтения трудов замечательного польского историка Бронислава Геремека. Важно среди оптимистических иллюзий и беспросветного пессимизма относительно перспектив славянского единства в современном мире возжигать очаги реализма. 26 ноября 2009 г. в стенах исторического факультета Уральского университета при участии историков России, Польши и Болгарии с успехом прошел научный семинар «Общество и война», посвященный 95-летию Первой и 70-летию Второй мировых войн. Настоящий сборник представляет собой публикацию материалов семинара.

Открывают сборник две статьи, объединенные темой Первой мировой войны. Сотрудник Постоянного представительства Польской академии наук при РАН Петр Глушковски подчеркивает особую важность этой темы для Польши, которая обрела независимость в результате Первой мировой войны. Неразрывная связь Первой мировой с проблемой независимости стала стержнем общественного сознания, что получило мощное отражение в польской литературе. Автор прекрасно сознает неоднозначность этого отражения, ибо поляки воевали в трех великих армиях по обе стороны фронта и связывали свои надежды с каждой из них. Статья П. Глушковски дает представление о феномене литературы легионеров, сохранившей щемящее ощущение военных эпизодов, подобных схватке 1916 г. у реки Стоход (территория современной Украины), где с обеих сторон выступали поляки.

Статья О. С. Поршневой выступает контрапунктом статье П. Глушковски, ибо, при общности темы, никак не подхватывает польского мотива. Ее сюжет «Союзники глазами русского общества» раскрывается безотносительно поляков. Объектом основного внимания автора стал особый тип идейно-психологического противоборства, обозначившегося в связи с зарождением феномена «тотальной войны». Исследуется конструирование образов союзников, естественно прежде всего англичан и

французов. Большое внимание уделяется «развитию кризиса доверия» по отношению к союзникам.

Полемический поворот сборнику придают статьи В. Зротева (Болгария) и Ю. В. Величко. Гость из Болгарии предложил собственное осмысление политической философии Второй мировой войны, изложенное им в книгах «Воля к войне. Политическая философия Второй мировой войны» и «Зачистка: политическая философия сталинизма». Пафос его позиции определяется стремлением, не ограничиваясь осуждением войны, осмыслить ее сущность. В. Зротев традиционному тезису о том, что Гитлер рвался к войне, а у Запада «воля к войне» отсутствовала, противопоставляет тезис о другом игроке, обладавшем избыточной «волей к войне», – Сталине. У этого игрока, утверждает В. Зротев, были «не прагматические, а сугубо духовные, близкие к библейским традициям цели». Иначе говоря, подобно Моисею, сорок лет очищавшему свой народ в скитаниях по пустыне, прежде чем привести его в Землю обетованную, Сталин хотел использовать войну с Гитлером как средство «зачистки» советского общества ради последующего вступления в «империю духа».

Ю. В. Величко определяет тезис В. Зротева о намерении Сталина провести «зачистку» советского общества руками нацистов как сомнительную гипотезу «весьма неожиданного свойства». С точки зрения историка, выводы В. Зротева остаются умозрительными построениями, не подкрепленными доказательствами, анализом источников. Абсурдным считает Ю. В. Величко тезис о том, что, отчаявшись «очистить» советское общество внутренними средствами, Сталин решил положиться на Гитлера: «Доверять врагу “зачистку” общества, созданного ценой напряженных длительных усилий, столь же разумно, насколько разумно доверять квартирным ворам освобождение собственного жилища от ненужных вещей».

Несколько особняком в сборнике стоит великолепная, безукоризненно фундированная работа А. Г. Чевтаева. Сконцентрировав внимание на политико-стратегических выкладках Большой тройки в 1941–1943 гг., автор коснулся стержневой проблемы семинара «Общество и война» лишь мимоходом, лаконично обозначив использование эмигрантского сообщества в политике Большой тройки.

Ю. З. Кантор задается вопросом об одной из «гримас истории» – почему спустя более шести десятков лет после Второй мировой войны налицо инверсия: в дискуссиях о перемещенном искусстве Россия выступает едва ли не «ответчиком», хотя вектор перемещения в годы войны шел с востока на запад? Ее статья представляет собой убедительный,

выполненный на современном уровне обзор обстоятельств возникновения и траектории развития этой общественной проблемы. Критическому рассмотрению подвергается как официальная германская точка зрения, так и российская политика в вопросах перемещенного искусства. В заключение автор суммирует «непростые» вопросы, на которые России необходимо ответить «во имя собственной же исторической памяти».

М. Волос, постоянный представитель Польской академии наук при РАН, в своей статье описывает состояние польского общества в условиях немецкой оккупации. Сжатый очерк дает сведения о географической перекройке страны и воплощении нацистских планов относительно славян и евреев, о переселении немцев на польские земли и мобилизации поляков на принудительные работы в Германии, об истреблении интеллектуальной элиты и экономической эксплуатации Польши, о негативном влиянии оккупации на польское общество и движении Сопротивления. Статья убедительно доказывает, почему «в составе немецкой армии не было ни одного добровольно сформированного отряда, состоящего из поляков». Социальной почвы для павеличей и бандер, квислингов и влазовых на польской земле не было.

Статья Т. Дубицки (Лодзинский университет, Польша) анализирует участие польских Вооруженных сил во Второй мировой войне. Автор начинает вполне справедливым утверждением, что среди своих союзников поляки дольше всех пребывали в состоянии войны, и выделяет в этом длинном периоде три этапа: 1) сопротивление немецкой и советской агрессии в сентябре 1939 г.; 2) борьбу в подполье и вне Польши; 3) военные действия регулярных польских частей в составе союзных войск. Главной причиной поражения в сентябре 1939 г. Т. Дубицки считает «непредставление Великобританией и Францией обещанной помощи». Вклад поляков в победу антигитлеровской коалиции, по мнению автора, получил «не вполне» адекватную компенсацию в решениях Ялты и Потсдама.

К. Каня (Университет им. Н. Коперника в Торуня, Польша) посвятил свое исследование сложной проблеме польской эмиграции, главной целью которой, по его словам, была «борьба за свободную и независимую Польшу, преемницу традиций Второй Речи Посполитой». Автор концентрирует внимание на двух важнейших центрах эмиграции – США и Великобритании. Особое его внимание привлекает деятельность Института им. Ю. Пилсудского в США, внесшего важный вклад в дело собирания источников по истории Польши и в сохранение традиций польской исторической науки. В Великобритании во многом сходную роль сыграл Польский институт и музей им. генерала В. Сикорского.

Важное место в сборнике занимают статьи, подготовленные екатеринбургским проф. В. П. Мотревичем и его учениками Н. В. Суржиковой и А. В. Чевардиным. Н. В. Суржикова предприняла весьма интересную попытку постановки проблемы компаративного исследования военного плена в России и СССР в годы двух мировых войн, отметая стереотипные мнения о несопоставимости российских и советских явлений. Автор рассматривает плен как социальный институт и приходит к любопытному с точки зрения социальной истории выводу об определенной асоциальности советского плена периода Второй мировой войны. В свою очередь В. П. Мотревич и А. В. Чевардин дают исчерпывающую справку о состоянии источниковой базы относительно польского населения Среднего Урала в 1940-е гг.

Нетривиальный подход к скорбной теме катынской трагедии нашел О. И. Нуждин. Он представил блестящий и весьма поучительный анализ преломления острой исторической проблемы в российском интернет-пространстве, включающий убедительную попытку типологизации бытующих мнений и выявление противоречий между различными интерпретациями. В завершение статьи выдвинуто «предположение, примиряющее существующие версии, но нуждающееся в дополнительной проверке», о причастности к катынской трагедии обеих сторон: и советской, и германской.

Неожиданный поворот проблеме «Общество и война» придает заключительная статья сборника, принадлежащая перу филологов Т. А. Снигиревой и А. В. Подчиненова. Начав с небесспорного утверждения, что художественная истина не тождественна исторической, поскольку последняя основана на фактологии, они посредством тонкого анализа литературы о войне убедительно раскрывают ее «единственное историческое содержание», в котором кроется одна из парабол национального сознания.

Встреча историков трех стран показала, что, невзирая на вечность спора между братьями-славянами, диалог профессионалов носит конструктивный, плодотворный характер и способствует взаимопониманию и сближению точек зрения. Гость семинара Петр Марциняк, заместитель посла Республики Польша в России, высказал решительную поддержку предложению уральских историков сделать такие встречи, назвав их «Славянские диалоги на границе Европы и Азии», традиционными и проводить их в Екатеринбурге раз в два-три года.

*В. А. Бабинцев, канд. ист. наук, доцент,
декан исторического факультета Уральского университета*